

СЛУЖЕБНАЯ ЛЕСТНИЦА

Спускаясь по корабельному трапу на берег, Арсен Манукян в последний раз отдал честь военно-морскому флагу. Он служил на эскадренном миноносце «Стремительный» и мечтал о том дне, когда отдаст последний поклон кораблю, ставшему домом родным. Но вдруг осознал, что миг, который он так приближал, его вовсе не радует. Чувствовал себя чуть ли не предателем. Не хотелось верить, что в последний раз ест флотский борщ, макароны по-флотски и в последний раз запивает первое и второе блюда компотом, который для всех моряков, готовящихся к демобилизации, за несколько месяцев до заветного дня считается своеобразной мерой времени. Все новые и новые поколения моряков в последние два-три месяца службы то и дело произносят вслух сразу после обеда: «Осталось девяносто компотов», «Осталось три компота», «Остался последний компот». И вот теперь, ступив на бетонированный берег, Арсен, казалось, кроме небольшого легкого чемодана нес на себе огромную тяжесть, сотканную из тоски и печали. Ведь за кормой собственной судьбы друзья, ставшие братьями. Вспомнил деда, который часто говорил: «Если тебя спросят, кто лучше — брат или друг, то знай, что жизнь давно показала: конечно, брат лучше, если только он тебе друг».

До службы на флоте у Арсена было великое множество друзей, как у всех школьников. Правда, среди них был и такой, о котором говорят не иначе как закадычный. Григор Петросян. Жили по соседству. Учились вместе с первого по десятый класс. Ходили в одну гимнастическую секцию. Выступали вместе на соревнованиях. Учились ровно. Оба одинаково любили математику. Правда, пути-дороги двух друзей разошлись сразу после выпускных экзаменов. Григор поступил в Московский университет на физико-математический факультет, а Арсен срезался на первом же экзамене. И в том же выпускном году его призвали в армию. Направили во флот. И вот теперь, возвращаясь домой, зная, что дорога в родной город проходит

только через Москву, Арсен решил во что бы то ни стало встретиться со школьным другом. Только к вечеру демобилизованный моряк, одетый в суконку с гюйсом и с одной лычкой на квадратных погонах, нашел после долгих поисков в лабиринтах высотного здания университета комнату, в которой вместе с однокурсником жил Григор.

Григор не сразу узнал Арсена, как-то неожиданно появившегося в дверях.

Они обнялись. Похлопали друг друга по плечу. Потом Григор подвел друга к соседу по койке, который все это время продолжал лежать, и радостно сказал:

— Смотри, Жора, друг, как с неба свалился. Сколько лет не виделись!

— Я рад тому, что ты рад, — сказал Жора, встал с места и пожал руку гостю.

Арсен обратил внимание на то, что парень был очень худой, с торчащим острым кадыком. Лицо было не только бледное, но и уставшее. Перевел взгляд на друга и заметил, что и тот не ахти как выглядит.

— Вы что это прямо как из концлагеря? — сказал Арсен.

— В каком смысле? — спросил Григор.

— Уж больно бледные.

— А что ты думал? — сказал Жора. — В день один раз питаемся, а во время экзаменов вообще не едим.

— Сейчас у вас экзамены?

— Нет. Далеко еще до экзаменов.

— Бог мой! А что же тогда будет с вами? Я предлагаю срочно с якоря сняться и взять курс на ресторан.

— Скажи, пожалуйста, Григор-джан, — весело заговорил Жора, поправляя постель, — а что означает этот самый... Как его? Ресторан.

— Ты знаешь, Жора, ресторан — это такое, говорят, место, где имеются белые скатерти и где, говорят, кроме горчицы и хлеба не просто приносят харчо по-грузински, азу по-татарски, шашлык по-карски, всего этого приносят много.

— Так много, что можно даже наесться от пуза?

— Послушайте, вы, диетологи, — сказал Арсен, подхватив веселый тон хозяев двухместной комнаты, — я ведь больше вашего хочу шашлык по-карски, в последний раз я ел вчера вечером в вагоне-ресторане.

В тот субботний вечер старший матрос запаса Арсен Манукян и два студента ели так много, что, казалось, завтра насту-

пит конец света и больше им никогда не придется сесть за стол, покрытый белой скатертью. Демобилизованный моряк в непривычной обстановке чувствовал себя скованно, хотя много хохотал, слушая бесконечные анекдоты, которые поочередно рассказывали студенты.

Но под конец вечера Арсен как-то сник, затосковал. Не мог он скрыть от своих сверстников затаенной зависти. Более трех лет отслужил на флоте, жил какой-то неведомой для абсолютного большинства жителей планеты жизнью, не думал, не гадал, что где-то есть его сверстники, которые мечтают о будущем как-то предметно. Уже подумывают об окончании института, о том, где они будут работать, кем станут. Арсену же предстояло все начинать сначала. И начинать с самого главного. С выбора института. А там еще поступать надо, еще учиться пять лет. Выходит, он проиграл в жизни. Его сверстники уже выбирают не жизненный путь, а место в самой жизни, а он еще и не начал выбирать. Что с того, что каждый день вставал в шесть утра? Не считая того, что частенько поднимали его по тревоге. Что с того, что он стал классным специалистом на корабле? Что с того, что ходил в дальние походы? Видел чужие берега. Пережил штормы. Все это было словно во сне. Вон сидят перед ним два веселых, правда, худых, как скелеты, сверстника, и живут они без всего этого. И так они близки к своей мечте. Даже замахиваются на министерское кресло. На худой конец, на должность начальника главка. Пусть они не станут министрами. Но ведь они позволяют себе мечтать. Это же так прекрасно: позволить себе мечтать, верить в мечту.

— Не горюй, Арсен, — заметив перемену в настроении и угадав причину, сказал Григор, — ты в школе был одним из первых учеников. Поступишь и ты в институт. Тебе же после службы никаких конкурсов. А на тройки ты всегда сдашь.

— Правильно говорит наш Григор, Арсен-джан, — поддержал друга Жора, — тебе только остается после своих, как ты говоришь, морей, научиться сухопутной жизни...

— А как этому научиться? — спросил, как-то посерьезнев, Арсен.

— Очень просто, — начал за друга Григор, — надо уметь жить.

— В каком смысле? — спросил Арсен.

— В обыкновенном, — сказал Жора, — ты вон пока служил во флоте, жизнь вся изменилась. Теперь все уже поняли,

что диплом и институтский ромбик дают право поступить на работу.

— Все верно, — согласился Арсен.

— Верно-то верно... — сказал Григор, радостно улыбаясь. Он был возбужден, тороплив в движениях, словно боялся, что не успеет сказать о самом главном, словно друг по койке опередит его.

— Верно-то верно, — повторил он, — но дело в том, что поступить на работу — это только полдела. С самого начала надо знать...

— Надо знать, — перебил Григора Жора, — что ты не на работу поступил, а на службу. Это значит...

— Это значит, — перебил, едва переводя дух, Григор, — это значит, как бы это тебе сказать? Словом, это значит, надо слушать тому человеку, который на работе должен заменить тебе отца родного.

— А кто этот человек? — спросил Арсен.

— Это шеф.

— Это новое слово, — сказал Григор.

— Это больше, чем просто начальник, — сказал Жора.

— В каком смысле? — спросил Арсен.

— Шеф — это начальник, который руководит всей службой, но в то же время — это человек, которому ты служишь. Это... это...

— И еще — это человек, который тебе доверяет, — поспешил на помощь другу Григор.

— Вот, скажем, вызывает тебя шеф к себе в кабинет. Ты стремглав бежишь к нему. Учтиво улыбаешься. Становишься посреди кабинета навтыжку, щелкаешь каблуками и всем своим видом показываешь, что ты — весь внимание, — Жора был явно доволен, что так четко выразил свою мысль.

— Всеу этому учат вас в университете? — спросил Арсен.

— Зачем в университете? — удивился Жора.

— Зачем в университете? — повторил Григор и добавил: — Жизнь учит этому. Мы на практике бывали в самых различных районах страны.

— И хорошо знаем уже, что диплом — это только полдела, — вставил Жора.

— Даже четверть дела, — сказал Григор.

— А что же целое? — спросил Арсен.

— Щелкать каблуками, — сказал Жора.

— Улыбаться шефу, — сказал Григор, — выступать на первом же профсоюзном собрании.

— О чем? — спросил Арсен.

— Об общих недостатках, — сказал Жора, — но при этом ненароком заметить, что все держится на таланте и организаторских способностях шефа, без которого все развалилось бы.

— А чтобы выступление было замечено, — продолжил Григор, — надо критиковать...

— Но критиковать абстрактно, — перебил друга Жора.

— Как абстрактно? — спросил Арсен.

— Ну, лучше всего критиковать далекое руководство далекого смежного предприятия.

— А зачем?

— А затем, что далекое смежное предприятие срывает поставки или поставяет брак, — сказал Григор.

— Можно, конечно, еще на том собрании взять на себя смелость и обещать, что непременно напишешь письмо от рабочих прямо в министерство, — сказал Жора.

— И в письме том взывать к совести, — добавил Григор, — непременно. Должны быть мысли о чести рабочего человека, о таких понятиях, как стыд, как мораль, как достоинство.

— А для чего все это?

— А для того чтобы тебя как молодого перспективного специалиста заметили, — ответил Григор.

— И чтобы на очередных выборах тебя выдвинули бы в профком...

— Завидую я вам, ребята, — сказал Арсен, глубоко вздыхая, — чувствую я себя перед вами прямо несмышленьшем. А мы-то там драили бляху и пуговицы до блеска, с волнением ожидали увольнения в город. Выстукивали морзянку, как дураки: кто быстрее. Среди ночи вскакивали с койки, как только кубрик наполнялся звуками сигнала тревоги. Теперь вот выходит, что я здорово поотстал от жизни.

— Не горюй, Арсен-джан, — сказал Жора, хлопая демобилизованного моряка по плечу, — ты здоровый, толковый парень, поступишь в институт...

— Да в какой я институт поступлю? — махнул рукой Арсен.

— Как в какой? — удивился Григор. — В любой.

— Да, да, в любой, — поддержал друга Жора. — Не имеет значения, в какой институт. Надо усвоить, что самое важное — высшее образование.

— Правильно, — сказал Григор, — высшее образование. Человек с высшим образованием.

— Так что неважно: врач, инженер, историк, учитель. Никто ведь не собирается работать до конца по специальности...

— Как же так?

— Очень просто. По служебной лестнице поднимается только человек с высшим образованием. Иначе просто не поднимешься.

— Правильно. Это, ну как тебе сказать, Арсен-джан, ну, это как само собой разумеющееся.

— Но ведь не все же могут подняться по служебной лестнице?

— Не могут, — согласился Григор.

— Всем и не надо, — дополнил друга Жора, — желание подняться по служебной лестнице заложено не в каждом человеке.

— Вот в нас заложено, — сказал Григор.

— Правильно. Один человек рожден поэтом и посвящает всю жизнь поэзии. Другого тянет в садоводы...

— Понимаешь, Арсен, у нас нет специального заведения, где готовят будущих руководителей. Но если есть человек, который рождается поэтом или садоводом, то надо признать, что есть человек, который рожден быть руководителем...

— Вот прямо так и чувствуешь себя будущим руководителем?

— Да. Сейчас это называется иначе...

— Сейчас это называется организатор производства.

— А как вот это самое чувство проявляется? — спросил Арсен. — Ну, поэт — это понятно. Садовод — совсем понятно. Тянет человека писать стихи, тянет человека, скажем упрощенно, сажать деревья. А как вот вы чувствуете, что родились быть руководителем?

— Приведем мы тебе один пример. Я хочу рассказать об одном нашем друге. Григор хорошо знает его, Сергея Михайлова. Это наш очень даже близкий друг. Раньше наша комната была на троих. Сережа учился на четвертом, когда нас с Григором направили в общежитие. Мы больше года были вместе. Любили друг друга...

— Делились последним куском хлеба...

— Да. Случалось, он заболел, так мы с Григором по очереди дежурили у его постели.

— На занятия не ходили в такие дни.

— Вот Сережа и говорил нам всегда, что надо с самого начала искать в себе то, без чего в будущем жить не сможешь.

- А кем же сегодня стал ваш друг Сергей?
- Мы с ним и сейчас дружим, — сказал Жора.
- Часто встречаемся, — сказал Григор, — а работает он уже в главке министерства.
- Начальником?
- Пока еще нет. Но успел побыть в мастерах. Через год стал начальником цеха. Избрали его в партбюро. А в партию вступил еще во время учебы. И вот теперь в главке.
- И там, в главке, стал членом партбюро.
- Здорово, как все у человека получается. И это всего за три-четыре года? — спросил Арсен.
- Еще год-другой и глядишь, Сережа выбьется в начальники главка. Он талантливый человек. Он говорить умеет. Он выступать умеет на собраниях, — сказал Григор.
- А что это за умение такое — говорить? У нас на корабле тех, кто активничал на собраниях, называли выскочками. Не очень-то уважали таких.
- Так то на флоте, — сказал Жора, — там ведь, небось, никому из вас в голову не приходило планировать себе жизнь. А вот Сережа, который много читал о том, как надо подниматься по служебной лестнице, часто говорил...
- А что, есть и такие книги тоже?
- А как же? — ответил за Жору Григор. — И не одна. А много.
- Вот послушай, что говорил Сережа: умение говорить — это наикратчайший путь к известности. Оно выводит человека на авансцену общественной жизни, придает ему чувство уверенности в своих силах и поднимает над толпой...
- И тот, кто обладает приятной манерой речи, — перебил Жору Григор, — как правило, пользуется доверием и авторитетом, значительно превосходящими его действительные способности.
- Непонятно, зачем тогда вам образование? — спросил Арсен.
- Образование — это умение встречать жизненные ситуации, — сказал Жора.
- Цель образования — не знание, а действие, — добавил Григор.
- Вы словно шпарите из какого-то цитатника.
- А что? В голове нужно держать множество цитат, — сказал Григор.
- Голова и должна быть цитатником, — сказал Жора.
- Для чего?

— Для того чтобы знать, что кто-то уже давно заметил: в девяносто девяти случаях из ста человек ни в чем не осуждает себя, независимо от того, насколько он прав или неправ...

— А как же критика, самокритика?

— Критика как таковая бесполезна, — ответил Григор.

— Она ставит человека в стойку обороняющегося и побуждает его искать для себя оправдания, — продолжил Жора.

— Критика опасна, ибо она ранит драгоценное для человека чувство собственного достоинства, наносит удар его представлению о собственной значимости и возбуждает в нем чувство обиды и негодования.

— Это тоже Сергей говорил?

— Это Сергей взял из книги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на них». Десятки таких книг можно назвать. Главное то, что эти мысли становятся твоими, — сказал Жора.

— Как же вы будете руководить, если только и знаете, что мечтаете быть руководителем? — спросил Арсен.

— А разве плохо мечтать? — ответил вопросом на вопрос Жора.

— Надеюсь, вы не скажете, что плох тот солдат, который...

— Нет, не скажем, — перебил Арсена Григор, — больше всего надо бояться в жизни банальности. Надо учиться у жизни урокам мудрости.

— Но ведь для этого жить надо, — сказал Арсен.

— Вот мы и живем, — сказал Григор. — Сергей наш, например, работает по восемнадцать часов в сутки. Недавно был у нас здесь. И рассказывал о том, как он трудится.

— То, что он перед министром щелкает каблуком, стоя на вытяжку, можно назвать «трудится»?

— Понимаешь, Арсен, — сказал Жора, — ты вот вернулся с моря...

— С корабля на бал.

— Да. С корабля на бал. Но меня сейчас больше интересует не корабль твой, а море. Вот ты задумывался над тем, почему все реки и горные потоки текут в море?

— Как почему? Да потому, что реки и горные потоки расположены выше моря.

— А вот и неверно, — разгадав замысел Жоры, сказал Григор, который слышал от Сергея о взаимосвязи моря и рек, — дело не в том, что реки и горные потоки расположены выше, а в том, что море расположено ниже.

— Ничего не понимаю, братцы. Какая разница?

— Разница большая. По мнению одного китайского мудреца, — сказал Григор, — море властвует над реками и горными потоками, потому что оно расположено ниже. Оно вбирает в себя все, что находится наверху. Так и мудрец, желая быть над людьми, становится ниже них...

— Парадокс, — перебил Арсен.

— Ничего подобного, — пришел на помощь другу Жора, — мудрец, желая быть впереди, становится позади. И получается следующее: люди не тяготеют к мудрецам, которые властвуют над ними.

— Запутали вы меня, братцы.

— Мы же говорим тебе, что все это наука, — с нескрываемой гордостью сказал Жора.

— Сыт я, братцы, вашей наукой. Давайте о чем-нибудь другом. Ну вот, на какой из ступенек вашей служебной лестницы находится та неведомая красавица, которая...

— Моряк остается моряком, — перебил, улыбаясь, Григор.

— Я серьезно. Любви хоть отводится место на вашей лестнице? Вот, скажем, Сергей ваш женат?

— Сергей не женат, — ответил Жора, — он любит повторять и в шутку, и всерьез: «Я мог совершить в жизни много глупостей, но никогда не собирался жениться по любви».

— Это же страшно...

— Сергей часто повторяет и другое: «Обычный человек, брак которого удачен, гораздо счастливее, чем гений, живущий в одиночестве». И даже для примера цитировал Тургенева, который как-то сказал, что отдал бы весь свой гений и все свои книги за то, чтобы где-нибудь была женщина, которую бы беспокоила мысль, опоздаешь ли ты к обеду.

— Выходит, гений все-таки за то, чтобы жениться, и жениться по любви?

— Гений, но только не деловые люди, — ответил Григор.

— А что, деловым людям семья не нужна?

— Семья нужна всем, — сказал Жора, — но такая семья, которая только помогает тебе в продвижении по служебной лестнице. Тут дело в том, что мужчины, как правило, любят женщин с норовом, с амбицией. А такие женщины — помеха для делового человека.

— Какую же женщину предпочитает деловой человек?

— На такой вопрос, — сказал Григор, — один из деловых людей ответил так: для моего универсама я охотнее возьму на работу девушку, не сумевшую окончить школу, но обладаю-

щую очаровательной улыбкой, нежели доктора философии с пресной физиономией.

— И когда же, по вашим расчетам, вы намереваетесь стать министрами?

— Это зависит от того, на каком этапе тебя заметит самое первое лицо, — сказал Григор.

— А если вообще не заметят?

— Это исключено, — уверенно сказал Жора.

— Я прямо перед вами чувствую себя профаном.

— Да, ты и впрямь отстал, дорогой мой моряк. А ведь в школе только и знали, что говорили о твоих талантах...

— Какие уж там таланты, когда я сорвался на экзамене и меня через два месяца забрали в армию...

— Дело в том, — продолжал Жора, — что сегодня нельзя просто так говорить о демократии. И вообще, все зависит от того, кто выступает с трибуны. Вот ты секретарь райкома, ведешь, скажем, собрание, ты должен сначала привести пару хороших примеров проявления демократии, а затем, сделав небольшую паузу, сказать: к сожалению, есть в практике районной партийной организации примеры и другого рода. Вникая в персональные дела коммунистов, в ситуации, где потребовалось, как говорится, хирургическое вмешательство, всякий раз видишь, что питательную среду для нарушения уставных норм, для различных злоупотреблений должностным положением создает ослабление, а то и исчезновение демократических начал в деятельности тех или иных парторганизаций...

— Откуда эти слова? — изумленно спросил Арсен.

— Слова эти из одного журнала, — вместо друга ответил Григор, — но главное в другом. Главное в том, чтобы после этих слов привести один-два конкретных примера.

— И называть надо имена людей, о которых уже знают наверху.

— Как это?

— Очень просто. Ты знаешь, что на заседании бюро или на пленуме уже критиковали этих людей...

— Прямо-таки математический расчет...

— Даром, что ли, мы учимся на физмате, — сказал Григор.

— Кстати, зачем же вам физмат, если метите то в министры, то в секретари райкома?

— Век технократии, — ответил Жора.

— Это еще что такое?

— На руководящую работу, особенно на местах, нынче в основном выдвигают людей с техническим образованием. Так что готовься и ты в любой технический вуз, — продолжил Жора.

— Куда там. Я поеду домой. Повидаю родных. И айда в Красноярский край.

— Зачем тебе туда? — спросил Григор.

— А там друг мой, Анзор Давитая. Служили на одном корабле. Он год назад демобилизовался. Работает сейчас в Сибири. Строит дороги. Бог даст, и институт закончим с другом.

— Бог даст, уши не отморозишь там, — смеясь, сказал Жора.

— На Бога надейся — сам не плошай...

— О, мой дорогой матрос, — сказал Григор, — это уже не годится. Сказано ведь было: бойся банальностей. В жизни надо быть человеком оригинальным.

— Только оригинальные добиваются цели...

...Прошло тридцать лет после демобилизации Арсена Манукяна. Многое изменилось за это время в его жизни. Пошли уже внуки. Погрузнел, появились большие залысины. Неизменным осталось для него лишь то, что каждый год, в каждое последнее воскресенье июля, он отмечал День Военно-Морского Флота. Не забывал отмечать, даже когда перевели его в Москву на должность начальника главка министерства. Прожитой жизнью он был доволен. Вместе с флотским другом Анзором Давитая исколесил всю страну по дорогам, которые строили они сами. Количество дней считали по количеству копотов, выпитых в рабочих столовых.

Правда, не очень нравилась Арсену работа в аппарате министерства, где каждое утро он начинал с чтения почты. Письма приходили со всех концов страны. Их прежде читал заместитель начальника главка, подчеркивая красным карандашом наиболее важные, на его взгляд, места. На днях в утренней почте Арсен Манукян обнаружил два письма, сплошь испещренные красными линиями. Автор одного письма жаловался, что вот уже более четверти века его, борца за перестройку и ускорение, загнали в угол. И это происходит в то время, когда «неумолимый ход общественного прогресса постоянно рождает все новые и новые проблемы, которые должны решать деловые, опытные кадры». В другом письме были подчеркнуты слова: «Я стал жертвой руководства. Есть тому причина. Вот уже тридцать лет я указываю руководству на то, что питательную среду

для нарушения уставных норм, для различных злоупотреблений должностным положением создает послабление, а то и полное игнорирование демократических начал...» На письмах этих начальник главка не поставил резолюции, как делал обычно, возвращая почту своему заместителю. Обещал, что авторам ответит сам. Уж слишком хорошо он их знал по стилю и слогу. Однако не спешил он с ответом. Никто, пожалуй, кроме министра, не знал, что начальник главка в министерской столовой после обеда считал число компотов, оставшихся до того дня, когда он встретится с Анзором Давитая, который звал друга на строительство новой дороги.